

Для многих пар этот срок не казался бы долгим, но для него он стал сокровищем на всю жизнь, самым светлым и счастливым отрезком во всех его прожитых днях.

(Как же ты мог просто оставить меня? Вытащил из серого, унылого мрака — и бросил.)

Цзо И, уткнувшись лицом в стол, глухо рыдал, сдерживая чувства. Звуки его сдавленных всхлипов ранили сердце.

Пэн Цзэфэн пропустил пальцы сквозь мягкие волосы Цзо И, нежно поглаживая и слегка надавливая.

— Прости, — сказал он.

Прости, что заставил тебя вспомнить такое болезненное прошлое. Но ты должен вспомнить — и жить дальше.

Тебе не на кого опереться, поэтому бежать тебе нельзя.

Позволить себе бегство может лишь тот, кого любят. У тебя такой возможности нет.

Поэтому ты должен встретить свою боль лицом к лицу, одолеть её и начать новый путь.

— Расскажи, что произошло в университете? Что они сделали с тобой до этого и после? — Пэн Цзэфэн не стал смягчаться. Он хотел поскорее вытащить человека из бесконечного круга фантазий.

Не для всех ситуаций годится медленный подход. Не всегда помогает и мягкое наставление. Иногда лишь жёсткость способна что-то изменить.

— Они... не хотели нас принимать, — глухо, не отрываясь от стола, проговорил Цзо И.

Пэн Цзэфэн больше не позволил ему погружаться в уныние. Он заставил Цзо И поднять голову и посмотреть на себя.

— Что именно случилось?

Цзо И смотрел на него молча. В голове у него всё ещё стояли картины их жизни вместе и последний миг, когда Ши Сяньян закрыл глаза. Но вскоре он с удивлением заметил, что его сердце чудесным образом успокоилось.

Пэн Цзэфэн был мастером в том, чтобы утихомиривать людей с помощью выражения лица и едва уловимых жестов. Цзо И быстро сосредоточился на заданном вопросе: что они сделали? Как всё обернулось?

Собравшись с мыслями, он начал:

— Нас выгнали из общежития. Девушки тоже нас сторонились, а те немногие, кто пытался заступиться, быстро замолкали под давлением. Вообще-то, студенты вряд ли стали бы так яростно травить обычную гей-пару, но один случай сделал нас всеобщими врагами.

Не они были демонами. Демонами стали мы сами. В те дни мы и сами в это верили.

Мы погубили девушку, которая очень любила Сяньяна. Красивую девушку, звезду нашего факультета. Они выросли вместе, были близки, и он всегда о ней заботился. Всё случилось

вскоре после того, как мы сошлись. Она призналась ему в чувствах.

Сяньян, недолго думая, сказал, что у него уже есть возлюбленный — я. Девушка была потрясена, рыдала навзрыд. Сяньян, не зная, как её утешить, позвонил мне. Но мы не ожидали, что моё появление вызовет у неё такую бурю. Она закричала, бросилась на меня и ударила по лицу.

Посыпались оскорбления: что я отвратителен, мерзок, что я мусор, соблазняющий мужчин... Я не разозлился, Сяньян тоже не тронул её, лишь отстранил. Но она посмотрела на него с таким выражением, будто он совершил нечто ужасное, вырвалась — и спрыгнула с крыши.

Люди, сбежавшиеся на её крики, увидели лишь её ошеломлённое, неверящее лицо и следующий за этим прыжок. Она прокричала, что мы не будем счастливы никогда.

Весть о том, что мы довели её до смерти, облетела весь университет. Мы стали громоотводом для всеобщей ненависти. Тех, кто оскорблял и проклинал нас, становилось всё больше. Постепенно сложилось правило: «Если не считаешь их отбросами — значит, сам такой же, твои ценности никуда не годятся». Во всём университете не нашлось никого, кто осмелился бы проявить к нам хоть каплю доброты.

Куда бы мы ни шли — везде несли клеймо преступников... А я всего лишь хотел её утешить. Сяньян вообще ни в чём не был виноват. Почему же на нас обрушилась вся эта злоба? Большинство из них не испытывало ни жалости к погибшей, ни тяги к справедливости. Им просто нужен был объект, на который можно вылить накопившуюся впусую злобу.

А мы оказались под рукой. Так что нам предстояло не только всю жизнь жить с чувством вины, но и терпеть наказания от самозванных «борцов за правду»... С какой стати? Ах да — потому что мы погубили яркую, прекрасную девушку...

Я всё это понимал. Но всё равно сбежал, постыдно ретировался. Я боялся появляться с Сяньяном на людях, кроме как на парах, и старался не показываться в университете без нужды. Но и это не спасло — хватало и насилия, и травли молчанием... В конце концов, куратор помог нам перевестись в другой вуз.

В те дни я тысячу раз думал о расставании, об уходе из университета. Но Сяньян не позволил. Он был непреклонен в одном: мы не расстанемся. Он говорил: разве мы с самого начала не были готовы к тому, что нас не примут? Разве не решили, что будем вместе, несмотря ни на что? Почему же теперь я хочу его оставить?

А ещё на меня давила семья. Узнав о случившемся, они потребовали, чтобы я порвал с ним, угрожая разорвать отношения. Мол, им не нужен «этот мерзкий гомосексуалист». Каждый день звонили, кричали, что я опозорил их, подвёл, из-за меня на них показывают пальцем. Что гомосексуалы — отбросы общества, и я должен «вернуться на путь истинный».

У Сяньяна было не легче. На него давили две семьи, да ещё я всё твердил о расставании... Он всё терпел молча, сносил побои и оскорбления, не издав ни звука. Непокосим он был лишь в одном — в отказе расстаться.

Я долго думал — и в итоге эгоистично выбрал остаться с ним. Пусть у нас не стало семьи, зато мы были друг у друга. Наш собственный дом, в котором было только мы двое.

К концу рассказа Цзо И чувствовал себя совершенно опустошённым. Зачем его заставляли вспоминать всё это? Лучше бы сохранить только память о Сяньяне... Нет, лучше вовсе не

помнить ничего. Слишком больно...

— И потому, что никто не проявил к тебе доброты, ты выбрал бегство? — голос Пэн Цзэфэна не оставлял места для мягкости. — Но ты не можешь воскресить мёртвых. Ты можешь лишь сделать свою жизнь менее невыносимой, потому что ты всего лишь обычный человек. Чудеса не для тебя. Ты не властен над миром и не способен полностью обмануть себя. Единственный выход — встретиться с реальностью.

Этот мир жестоко ранил тебя. Но это также мир, в котором ты был счастлив. Неужели ты позволишь боли и скорби стать главными красками твоей жизни?

Как иначе ты вернёшь себе контроль?

Цзо И, с налитыми кровью глазами, уставился на Пэн Цзэфэна.

— Так что, обычные люди должны просто покорно всё принимать? Нельзя дать сдачи, но от меня требуют подстроиться под этот мир? Это же чудовищно!

С детства от семьи я видел лишь требования, но не любовь. Едва найдя его, я стал мишенью для всеобщего презрения. Сумел сохранить верность себе — но не смог устоять перед ударами судьбы... Я и так... я и так держался изо всех сил! Но как мне в одиночку идти по этому миру, сплошь усеянному шипами?

Пэн Цзэфэн не ответил на его выпад. Вместо этого его лицо смягчилось. Он наклонился и прижался лбом ко лбу Цзо И.

— Ты был сильным так долго. Продержись ещё немного, хорошо?

Цзо И едва сдержал подступающие рыдания. Он шумно втянул носом воздух, не давая себе расплакаться.

— Хорошо.

Его голосок был похож на скуление щенка, который ещё не отвык от матери. Мир так ужасен — и всё же ему так хочется жить и быть согретым чьей-то нежностью.

Глаза наполнились слезами, но он сжал зубы и не дал им пролиться.

Нельзя плакать. Единственное место, где я мог плакать, исчезло. Поэтому я не буду плакать. Просто продержусь ещё немного... Совсем чуть-чуть...

Последующие часы Пэн Цзэфэн, вопреки своей прежней жёсткости, был невероятно мягок. Он разговаривал с Цзо И до глубокой ночи.

Перед уходом Пэн Цзэфэн протянул ему карту.

— Я хочу, чтобы ты нашёл новое место и начал всё с чистого листа.

На карте была сумма, которую когда-то внесла Цзо Цянь в качестве предоплаты. Этого хватило бы, чтобы стать стартовым капиталом для небольшого дела.

Цзо И отодвинул карту.

— Я справлюсь сам. Сначала найду работу, скоплю немного, а потом, может, открою

маленький книжный магазинчик... — Он усмехнулся. — Хотя, наверное, он сразу прогорит. Так что, наверное, лучше открыть кафе с книгами? Что вы думаете?

И почему этому большому чудаку взбрело в голову мечтать именно о книжном магазине? Разве не слишком это расточительно — в век, когда правят электронные книги?

<http://bllate.org/book/16276/1465515>